

А. Б. ЧЕРНЯК

ВИЗАНТИЙСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О РОМАНСКОМ (романизированном) НАСЕЛЕНИИ БАЛКАН V—VII вв.*

Ответить на вопрос, какой язык был родным для населения Диоцеза Фракия, помогут следующие два свидетельства.

III. *τόρνα, τόρνα, φράτρε*. Феофилакт Симокатта II.15 (= 100.13—21 De Boor).

Παρηχείται γὰρ τοῖς πολλοῖς ἡ φωνή, καὶ παράσημον ἦν τὸ λεγόμενον καὶ φυγὴν ἐδόκει δηλοῦν, ὡς οἶα τῶν πολεμίων ἐπιφανέντων ἀθρόον αὐτοῖς καὶ παρακλεψάντων τὴν δόκησιν. μεγίστου δὲ συμπεσόντος τῷ στρατεύματι θρύλου, θροῦς παρ' αὐτῶν πολὺς ἐπανίσταται, παλινοστεῖν τε ἐβόα πᾶς γεγωνός διαπύσιον, ἐπιχωρίῳ τε γλώττῃ εἰς τοῦπίσω τραπέσθαι ἄλλος ἄλλῳ προσέταττεν, «τόρνα, τόρνα» μετὰ μεγίστου ταραχῆς φθειγόμενοι, οἶα νυκτομαχίας τινος ἐνδημούσης ἀδοκῆτῶς αὐτοῖς.

«. . . большинство, услышав крик, превратно истолковало его, ложно поняв то, что там хотели сказать; им показалось, что это знак к отступлению, как бывает, когда внезапно появляются враги и нарушают этим все предположения. Войско охватило великое смятение, а от этого произошел сильный шум; всякий зашедший далеко стал кричать, чтобы возвращались назад, и каждый советовал друг другу, говоря на своем родном языке, повернуть назад: „торна, торна“, — кричали они в величайшем смятении, как будто ночная битва неожиданно завязалась у них за спиной»¹.

Φεοφάν *Исповедник* А. М. 6079 (= р. 258.14—19 De Boor). ἐνὸς γὰρ ζῶου τὸν φόρτον διατρέψαντος, ἕτερος τὸν δεσπότην τοῦ ζῶου προσφωνεῖ τὸν φόρτον ἀνορθῶσαι τῇ πατρῴᾳ φωνῇ «τόρνα, τόρνα, φράτρε.» καὶ ὁ μὲν κύριος τῆς ἡμίονου τὴν φωνὴν οὐκ ἠσθάνετο, οἱ δὲ λαοὶ ἀκούσαντες καὶ τοὺς πολεμίους ἐπιστῆναι αὐτοῖς ὑπονοήσαντες εἰς φυγὴν ἐτρέπησαν, «τόρνα, τόρνα» μεγίσταις φωναῖς ἀνακράζοντες.

«Так как один лошак сбросил вьюк, сосед кричит хозяину на родном наречии „торна, торна, фратер“, чтобы тот поправил вьюк; хозяин лошака не слышал этого крика, но солдаты слышали и, думая, что на них напали враги, обратились в бегство, крича множеством голосов: „торна, торна“»².

Рассказ выдающегося византийского историка Феофилакта Симокатты о ночном рейде спустившегося с гор Хема византийского войска

* Окончание. Начало в томе 51.

¹ *Theophylacti Simocattae Historiae* / Ed. C. De Boor. Lipsiae, 1887; Феофилакт Симокатта. История / Пер. С. П. Кондратьева. М., 1957. С. 64—65.

² *Theophanis Chronographia* / Rec. De Boor C. Lipsiae, 1883. Vol. I. О чтении *φράτρε* см. ниже. Мы не воспользовались имеющимся переводом (см.: Летопись византийца Феофана / Пер. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского. М., 1890. С. 197), так как переводчики следовали чтению *ἀνορθῶσας* бонинского издания, засвидетельствованному рядом рукописей. См. аппарат изд. Де Боора.

с целью застичь врасплох опустошавшего в 586 г. южную Фракию аварского кагана, когда сорвавшаяся с мула поклажа стала причиной неразберихи, что позволило аварам уйти, — известен в науке начиная с XVI в.³ Но собственно дискуссия возникла лишь после статьи К. Иречека, в которой было высказано предположение, что знаменитое *torna, torna, fratre* является ничем иным как военной командой (в ранневизантийской армии команды по традиции были латинскими), и, следовательно, никак не может служить свидетельством в пользу романизации фракийцев⁴. К мнению Иречека присоединился целый ряд ученых, в том числе В. Бешевлиев (В. Томашек, естественно, был сторонником традиционной точки зрения) и Х. Михэеску. Но в 1983 г. Э. Косериу выдвинул новые и весьма существенные доводы, начисто исключаящие возможность подобной трактовки⁵. К сожалению, выдающийся румынский лингвист не был знаком со статьей Х. Михэеску (кроме того, оба эти автора не упоминают работы И. Глодариу⁶) и вообще ограничил свое исследование сугубо текстологическими рамками, так что нижеследующая попытка синтеза уже достигнутого, равно как и некоторые дальнейшие соображения, окажется далеко не лишней.

Аргументация Михэеску сводится к следующему: 1. Вслед за Г. Колиасом⁷ он указывает на тот факт, что обороты *ἐπιχώριος γλῶσσα* и *πάτριος φωνή* у ранневизантийских писателей означают просто «латинский язык», в подтверждение чего приводится целый список примеров из авторов III—X вв. 2. В византийской армии VI в. официальным языком был латинский и *torna* является всего лишь одной из латинских военных команд, засвидетельствованных в «Стратегиконе Маврикия» (датируется концом VI в.); 3. Эта армия была все время в движении, так что присутствие латиноязычных солдат во Фракии (автор явно имеет в виду додиоклетиановскую Фракию) еще ничего не говорит о романизации последней; 4. Существование на территории Фракии романизованного населения маловероятно ввиду решительного преобладания греческих надписей над латинскими (соответственно 1645 : 200).

Из этих четырех пунктов у Е. Косериу по вышеуказанным причинам мы найдем возражения только на первый, где он решительно отвергает трактовку Г. Колиаса⁸. Взамен ему удалось обнаружить факт, мимо

³ *Lepschy G. G. Giusto Lipsio e il volgare nel VI secolo // Italia medioevale e umanistica. 1965. Vol. 8. P. 295—303.*

⁴ *Jireček C. Über die Vlachen von Moglena // Archiv für slavische Philologie. 1893. Bd 15. S. 98—99.*

⁵ *Tomaschek W. Zur Kunde der Hämus-Halbinsel // Sitzungsberichte der k. k. Akad. der Wissensch. Ph.-hist. Kl. Wien, 1882. S. 57; Idem. Die alten Thraker. 1: Übersicht der Stämme // Ibid. Wien, 1893. Bd. 128. S. 78; Бешевлиев В. Проучвания върху личните имена у траките. С., 1985. С. 72—74; Mihaescu H. Torna, torna, fratre // Βυζαντινά. 1976. Т. 8. P. 23—25; Coseriu E. Theophylactus, II. 15: Ein Beitrag zur Deutung von *τόρνα, τόρνα, φράτρε* // Analele științifice ale universității «Al. I. Cuza» din Iași (AUI). Serie nouă. Sect. III. Linguistică. 1982/1983. Т. 28/29. P. 21—27.*

⁶ *Glodariu I. În legătură cu «torna, torna, fratre» // Acta Musei Napocensis. Cluj, 1964. Т. 1. P. 483—487.*

⁷ *Kolias G. «Τόρνα, ἐπιχώριος γλῶσσα» // ΕΕΒΣ. 1938. Т. 14. Σ. 294—299; Beševliev V. Über manche ältere Theorien von der Romanisierung der Thraker // EB. 1964. Т. 1. P. 152—153.*

⁸ *Coseriu E. Op. cit. P. 22 (2.2.2). Это мнение Е. Косериу нетрудно подкрепить примерами: Ср. цит. Х. Михэеску пассаж из Приска (*Prisc. 131.12 De Boor*): *ἀντί δὲ οἴνου ὁ μέδος ἐπιχώριος καλούμενος* — «вместо вина [давали нам] напиток, на местном наречии именуемый „медос“» (об этом месте см.: ВВ. Т. 51. С. 137. Примеч. 38); *Lukian. Alexandros. 51: ἀλλὰ καὶ βαρβάρους πολλάκις ἐχρησεν, εἴ τις τῆ πατρίῳ ἐροῖτο φωνῇ, Συριστὶ ἢ Κελτιστὶ, ῥαδίως ἐξευρίσκειν τινὰς ἐπισημοῦντας ὁμοεθνεῖς τοῖς δεδωκόσιν,* — «Но также и варварам он нередко давал прорицания (оракул Александра из-*

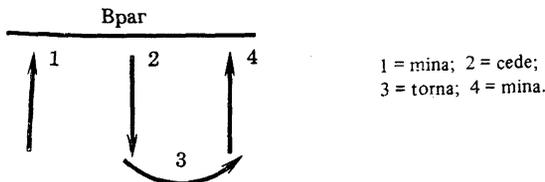
которого прошли все предыдущие исследователи: военная команда torna! «назад», на которой зиждется вся гипотеза Иречека, в действительности оказывается незасвидетельствованной, так как в «Стратегиконе Маврикия» конца VI в., где ее якобы открыли, фигурирует лишь torna, mina!⁹, кавалерийский сигнал, означающий «изменить направление марша» (чтобы снова атаковать): команда «назад» подавалась латинским cede, «поворот кругом» — transforma и т. д.¹⁰ Тем самым роль лат. torna в пассаже Феофилакта сводится практически к нулю, и если сам Косериу еще находит ему в своей интерпретации какое-то место, то лишь потому, что он понимает παράσημον как существовательное «сигнал»¹¹; ставшая давно уже традиционной трактовка этого слова в данном пассаже как прилагательного со значением «обманчивый», «ложный» опирается не столько на авторитет де Боора, далеко не безупречного палеографа и филолога¹², сколько на свидетельство Суды, в словаре которого παράσημος (интерпретируемое как ἀδόκιμος) иллюстрируется как раз данным примером из Феофилакта¹³, равно как и на сам контекст: отметим анафору παρηχέται ... παράσημον, объединяющую оба предложения в своеобразный генди-адиойн; напротив, вряд ли удачна попытка Е. Косериу толковать παράσημον ... δηλοῦν как пояснение (erklärender Einschub) к παρηχέται, ср. его перевод: «(denn) das Gesagte war auch ein Signal und schien Flucht zu bedeuten»¹⁴ — вместо καί в этом случае мы ожидали бы γάρ. Таким образом у нас есть все основания снять и второй (самый существенный) аргумент Х. Михэеску.

Кто же были солдаты, кричавшие torna, torna? П. Нэстурел высказал предположение, что это были местные жители, служившие в военном обозе

Абонутейха. — А. Ч.), если кто спрашивал его на отеческом языке, по-сирийски или по-кельтски, с легкостью отыскивая приезжих той же национальности, что и заказчики» (цит. по: Schmitt R. Die Sprachverhältnisse in den östlichen Provinzen des Römischen Reiches // ANRW. B.; N. Y., 1983. Bd. II, T. 2. S. 568, Anm. 52).

⁹ Mauricii Strategicon / Ed. H. Mihaescu. Bucarest, 1970. 108. P. 5 (III. 5.44); Das Strategikon des Maurikios / Einf., Ed. und Ind. G. T. Dennis. Wien, 1981. 158.

¹⁰ Coseriu E. Op. cit. P. 26. Автор предлагает любопытную схему маневров византийской кавалерии:

¹¹ Coseriu E. Op. cit. P. 25 (3.3.4).

¹² Ср. критику М. Н. Крашенинникова и посвященное ей сообщение И. А. Левинской на Четвертых Доватурских чтениях (Ленинград, октябрь 1985).

¹³ Suidae Lexicon / Rec. G. Bernhardy. Halle; Braunschweig, 1853. T. 2. Appendix. Col. 91, s. v.

¹⁴ Coseriu E. Op. cit. P. 24 (3.3.2). Произвольна и трактовка παρηχέται, ср.: «Der Wortlaut klingt der Menge der Soldaten vertraut», причем приведенный Де Бором для данного места общепринятый перевод «perverse sonum refero» (Index graecitatis. 415 s. v.) даже не упоминается! Румынский ученый явно опирался на словарь Liddell-Scott-Jones'a, где дается значение to resemble in sound (от которого он, впрочем, отошел довольно далеко!), но не приводятся контексты, которые несомненно убедили бы Косериу в неосновательности его интерпретации. Последние он мог бы найти в: Thesaurus Graecae Linguae / Ab H. Stephano constructus. Tertio ediderunt C. V. Hase, G. Dindorfius, L. Dindorfius. Parisiis, 1842—1847. Vol. VI. P. 506, s. v. παρηχέω. Там упоминается и причастие περρηχέμενος («dissonus»), засвидетельствованное у Григория Нисского, т. е. примерно с тем же значением, что и у Феофилакта. Последний случай, к сожалению, оказался неучтенным в обоих словарях (вещь в греческой лексикографии не столь уж и редкая!), что и явилось причиной затруднений для Э. Косериу. Не будем, однако, судить его слишком строго — с παρηχέται и

(τοῦλδον)¹⁵. Идея эта выглядит вполне убедительной, так как перевозка грузов являлась одним из традиционных промыслов балканских владов и, кроме того, профессиональные военные в столь ответственный момент не стали бы поднимать шум по поводу отвязавшегося тюка. Но крик обозников подхватило все византийское войско, к которому, собственно, и относятся слова ἐπιχωρίῳ γλώττει Θεοφιλάκτα, — стало быть, оно тоже состояло из местных уроженцев.

В пользу этого говорит прежде всего описание этого войска в самом начале компании (*Theophyl.* II. 10. 8—9. P. 90. 1—11 De Boog), в частности из сообщения автора, что стратег Коментиол собрал войска в Анхиале, вполне можно сделать вывод, что речь идет не об экспедиционном корпусе, с которым тот явился во Фракию, а о заурядной региональной армии, состоящей из *limitanei* и *comitatenses*¹⁶, причем из 10 тыс. человек 4 тыс. оказались небоеспособными и потому отряжены были охранять лагерь. Чужеродным, т. е. небалканским, элементом в этой армии могли быть только букеллари (личная гвардия) Коментиола, число которых вряд ли было значительным. Не забудем также, что в это время на востоке шла уже не один год тяжелая, как всегда, война с Персией; что казна империи была истощена недопустимой расточительностью Тиберия и его преемнику Маврикию, в правление которого (582—602) произошел рассказанный Теофилактом эпизод, все время приходилось отчаянно экономить, что вызывало недовольство у армии и в конце концов стоило ему трона и жизни; что со времен Юстиниана на вторжения варваров из-за Дуная привыкли смотреть сквозь пальцы, предпочитая справляться с ними не оружием, а деньгами и дипломатическими интригами, благо Константинополь, Халкидика, Фермопилы и другие важнейшие города были надежно защищены укреплениями¹⁷; наконец, что Фракия издавна сама поставляла империи отличных солдат и для успеха там нужны были только деньги и хорошие полководцы, что, кстати, еще раз полностью подтвердилось в ходе войны с аварами.

Переходя к пункту 4 X. Михэеску (преобладание во Фракии греческих надписей), следует, как нам кажется, подчеркнуть то обстоятельство, что наряду с греческим языком довольно долго сосуществовал и собственно фракийский: еще в IV в. слова «на местном языке» означали здесь «по-фракийски», ср. недавно обнаруженное греческое житие Филиппа Гераклеяского (9 октября 304)¹⁸: χωρίον γιπόστορα προσαγορεύμενο[ν] τή<ν> ἐγχωρίῳ διαλέκτῳ, ὁ μεθερμηγεύετε ἑλληνιστῆ κλητόρων τόπος — «местечко

παράσημον» не справился и такой компетентный византист, как П. Шрайнер (ср. его перевод: «Den Ruf hörte nämlich die Menge, und sie namen ihn als ein Zeichen auf» usw. (*Theophylaktos Simokatta Geschichte / Obers. und erl. P. Schreiner. Stuttgart, 1985. S. 82*) (на этот пер. мне любезно указал Я. Н. Любарский).

¹⁵ *Năsturel P. S. Torna, torna, fratre: O problemă de istorie și lingvistică // Studii și cercetări de istorie veche. 1956. A. 7. 1—2. P. 179—188; Idem. Quelques mots de plus à propos du «torna, torna» de Théophylacte et du «torna, torna, fratre» de Théophan // Bb. 1966. T. 2. P. 217—222.*

¹⁶ О византийской армии конца VI в. см.: *Jones A. H. M. The Later Roman Empire. Oxford, 1964. Vol. 2. P. 685 ff.; Teoll J. L. The Barbarians in the Justinian's Armies // Speculum. 1965. Vol. 40. P. 305—322; Тъпкова-Займова В. Нашествия и этнические промени на Балканите през VI—VII в. С., 1966. С. 36—51.*

¹⁷ Ср. эпизод с вторжением котригуров во главе с Заберганом в марте 559 г., когда варварам удалось проникнуть за Длинные Стены, но Велисарий с 300 всадниками сумел нанести поражение двухтысячному отряду; неудачным был и штурм Херсонеса, а за Дунаем возвращающегося с добычей Забергана уже поджидали предупрежденные Юстинианом утигуры (*Agath. V. 11—25*).

¹⁸ *Lochner-Hüttenbach F. Zum Ortsnamen Getistyr // Die Sprache. 1972. Bd 18/2. S. 196—198.* Рукопись датируется X в. Ранее этот пассаж цитировался по опубликованному в *Acta Sanctorum* лат. пер. Ср.: *Бешевлиев В. Проучвания. . . С. 55* (там же лит.).

(вилла около Адрианополя, где был похоронен святой. — А. Ч.) на местном языке Гитистора, в переводе на греческий „место владельцев“). Но в VI в. немногие упоминания фракийского (точнее, языка бессов) идут исключительно из Палестины, где еще местами существовали общины фракийских монахов, служивших по традиции на родном языке¹⁹; в самой Фракии его место уже, по-видимому, занял балканороманский, вероятно, так как военная служба стала едва ли не главным занятием без конца разоряемого вторжениями варваров сельского населения.

В пользу этого предположения говорит и то обстоятельство, что в пересказе Феофана Исповедника появляется еще одно романское слово: *φράτερ* (в ряде рукописей и у Де Боора) или *φράτρε* (в двух рукописях, одна из которых XI в. — *Par. Reg. 1711*, положенная в основу *editio princeps*). Высказывались мнения, что Феофан использовал другой источник²⁰. Но для описываемого периода в распоряжении хрониста, помимо сочинения Феофилакта, была, скорее всего, лишь не дошедшая до нас константинопольская городская хроника²¹, в которой трудно предполагать наличие эпизода с *τόρνα, τόρνα*. Гораздо вероятнее, что *φράτερ*, или скорее отвергнутый Де Боором вариант *φράτρε* принадлежит самому Феофану, который весьма свободно обращался с текстом своего знаменитого предшественника²². В данном случае, стало быть, он опирался на собственный опыт. Своим, впрочем, вряд ли особенно глубоким знакомством с языком романизованных жителей Фракии Феофан, вероятно, обязан пребыванию в Константинополе, где он жил до 780 г., когда смерть императора Льва IV позволила двадцатилетнему чиновнику удалиться вместе с женой в монастырь²³. Кто были эти романцы — пастухи, приехавшие в столицу продать сыр и изделия из домотканой шерсти²⁴, или воины фракийской фемы²⁵, знать нам не столь уж важно: существенно здесь то, что спустя много лет византийский хронист не поколебался узнать в них потомков фракийских солдат Феофилакта²⁶.

IV. Происхождение Мавра (Чудеса св. Димитрия. II.5. 291=I. 229. 20—24 Lemerle)²⁷.

... καὶ ταύτην κρυφῆδὸν βουλὴν ἰστᾶ, ὥστε τινὰ τῶν ἐαυτοῦ ἀρχόντων ἔξορον ὄντα καὶ πανοῦργον ἐν πᾶσι, καὶ τὴν καθ' ἡμᾶς ἐπιστάμενον γλῶσσαν καὶ τὴν Ῥωμαίων, Σκλάβων καὶ Βουλγάρων... ἀνάστατον γενέσθαι... καὶ δοῦλον ἐαυτὸν προσποιήσασθαι τοῦ πιστοῦ βασιλέως.

«. . . и тайно задумал Кувер так, что один из его начальников, человек выдающийся и очень изворотливый, а также знающий наш язык, и языки римлян, славян и болгар . . . восстанет . . . и притворится рабом верного императора».

¹⁹ Бешевлиев В. Проучвания. . . 62—63; Тодоров Т. Библия Бесика // *Thracia*. 1984. Т. 6. P. 259—275.

²⁰ *Nästurel P. S. Torna, torna, fratre. . . P. 182—184; Whitby L. M. The Theophanes' Chronicle Sources for the Reigns of Justin II, Tiberius and Maurice (565—602) // Byz. 1983. Bd. 53. T. 1. S. 327—328.*

²¹ Любарский Я. Н. Феофан Исповедник и источники его «Хронографии» // *ВВ*. 1984. Т. 45. С. 73—74 (там же см. лит.).

²² См.: Там же. С. 74—79.

²³ О биографии Феофана см.: Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана и «Бревиарий» Никифора: Тексты, пер., коммент. М., 1980. С. 17. «Хронография» датируется 810—814 гг. (Там же. С. 18).

²⁴ См. стихи Феодора Продрома (1166): *FHDR*. 1975. Т. III. P. 186—189.

²⁵ О феме Фракия, основанной в конце VII в., см.: *Irmscher J. Zur Verwaltungsgeschichte Thrakiens in Byzantinischer Zeit // Thracia*. 1974. Т. 2. P. 163—173.

²⁶ В научной литературе всерьез обсуждалось мнение, что лат. *frater* было общепринятым обращением в византийской армии. См.: *Nästurel P. Torna, torna, fratre. . . P. 183—184; Mihaescu H. Op. cit. P. 33—34.*

²⁷ *Lemerle P. Les plus anciens recueils des Miracles de Saint Démétrius. P., 1979—1981. Т. 1: Le Texte; Т. 2: Commentaire.*

Эпизод об уходе «сирмисиан» (потомков пленников, угнанных в 621 г. аварами и поселенных около г. Сирмий на р. Сава) во главе с их вождем болгаринном Кувером от аваров на византийскую территорию и попытка последнего хитростью захватить Фессалоники, заслав туда якобы отложившегося от него военачальника Мавра с его людьми (около 680 г.), давно известен в научном мире, и пассаж о незаурядных лингвистических способностях Мавра уже не раз привлекал к себе внимание. Многозначность этнонима Ῥωμαῖοι и здесь, как и в рассмотренном выше отрывке из Приска²⁸, явилась камнем преткновения. Обычно его переводят как латинский (романский), а под «нашим языком» понимают греческий²⁹, но В. Томашек и сам П. Лемерль идентифицировали второй глоттоним с греческим, а в первом усмотрели указание на некий местный язык: для Томашека это был «македонский», под которым следовало понимать романский³⁰, в то время как Лемерль говорит о «фессалоникийском диалекте» (le dialecte thessalonicien), не решаясь уточнить его языковую принадлежность³¹. Возникшие перед ним трудности при ближайшем рассмотрении оказываются в значительной степени мнимыми, так как, во-первых, в указанной им аналогии *Mir.* II. 4. 233 (Т. I. 209. 30 Lemerle): καὶ λαλῶν τῇ ἡμετέρᾳ διαλέκτῳ³², — речь идет явно о греческом языке, знание которого позволило славянскому вождю Пербунду (жившему, впрочем, в Фессалониках!) осуществить дерзкий побег из Константинополя, где он содержался под стражей, а во-вторых, в *Mir.* I. 4.49 (Т. I. P. 86. 8—9 Lemerle): . . . ἔφρασεν αὐτὸς τῇ Ῥωμαϊκῇ γλώττῃ ἐρωτῶν αὐτοῦς ἀπροσδοκῆτος («опередил их сам, неожиданно спросив их на ромейском языке») — опять имеется в виду греческий, способность говорить на котором получает вместе с исцелением от душевной болезни проведенный ночь в храме святого Димитрия стратигот; этот факт не вызывает сомнения у издателя, но он задает вопрос, не говорил ли солдат до излечения по-

²⁸ См.: ВВ. Т. 51. С. 136. Примеч. 31.

²⁹ *Cornelius Byeus* (1780) // PG. Т. 116. Col. 13 (Romanorum lingua); *Gelzer H.* Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung // Abhandl. der kgl. Sächs. Gesellschaft der Wissensch., Ph.-hist. Kl. Leipzig, 1899. 18.5. S. 49; *Tafrafi O.* Thessalonique dès origines au XIVe siècle. P., 1919. P. 129—130. Not. 2; *Grégoire H.* L'origine et le nom des Croates et des Serbes // Byz. 1944/1955. Т. 17. P. 113; *Барушић Ф.* Чуда Димитрија Солунског као историски извори // САН. Београд, 1953. Т. ССХХ. С. 127; Гръцки извори за българската история. С., 1954—1974. Т. 1—9. (Далее: ГИБИ). Т. 3. С. 159; Византијски извори за историји народа Југославије. Београд, 1955. Т. 1. С. 214; *Ангелов Д.* Образуване на българската народност. С., 1971. С. 208; *Beševliev V.* Randbemerkungen über die «Miracula Sancti Demetrii» // BYZANTINA. 1970. Т. 2. S. 294; *Бешевлиев В.* Първобългари. С., 1984. С. 48; *Charanis P.* Kouver, the Chronology of His Activities and Their Ethnic Effects on the Region Around Thessaloniki // Balcan Studies. 1970. Vol. 11. Т. 2. P. 231; *Idem.* The Slavs, Byzantium and the Historical significance of the first Bulgarian kingdom // Ibid. 1976. Vol. 17. P. 19; *Rusu M.* Avars, Slave, Romanic Population in the 6th—8th c. // Relations Between the Autochthonous Population and the Migratory Populations. Bucarest, 1975. P. 130; *Петров П.* Образуване на Българска Держава. С., 1981. С. 297; *Grégoriou-Ioannidou M.* // Byzantiaka. 1981. Т. 1. P. 29 sq. (цит. по: *Lemerle P.* Les plus anciennes. . . Т. 2. P. 244—245); 1983. Т. 3. P. 85—90; *Idem.* Une remarque sur le récit des «Miracles de Saint Démétrius». Athènes, 1987; *Иванова О. В.* К вопросу об этнополитической ситуации в районе Фессалоники в начале 80-х годов VII в. // Античная балканистика. М., 1987. С. 48. Примеч. 13.

³⁰ *Tomaschek W.* Zur Kunde. . . 477: «Maurus. . . war ausser der bulgarischen, slowenischen und griechischen auch der „makedonischen“ Sprache mächtig; darunter kann das Romanische gemeint sein». Впервые «македонский» язык появляется в работе: *Tafel T. L. F.* De Thessalonica eiusque agro dissertatio geographica. Berolini, 1839. P. XCIX: «Maurum. . . linguarum Macedonicae, Graecae, Slavicae et Bulgaricae gnarum» etc. Цит. по: *Grégoriou-Ioannidou M.* Une remarque. . . P. 11. Not. 32.

³¹ *Lemerle P.* Op. cit. Т. 2. P. 150. Not. 233.

³² Но ср. пер.: Ibid. Т. 1. P. 199: «Le roi Perboundos, qui est habillé à la grecque et parle grec».

фессалоникийски? ³³ Здесь можно привлечь для сравнения «Житие Иларииона» блаженного Иеронима (гл. 22), где рассказывается о войне-франке, который отвечает отшельнику по-сирийски и по-гречески, хотя до того он умел говорить только по-франкски и по-латыни ³⁴. Воин, приведенный товарищами к мощам св. Димитрия, был, скорее всего, романизованным фракийцем, во всяком случае, как солдат Римской империи он должен был знать в той или иной степени латинско-романский, являвшийся тем «нормальным» языком, на котором он говорил со своими товарищами ³⁵. Наконец, нет никаких оснований считать, что оборот τὴν Ῥωμαίων (γλώτταν) не может означать «латинский/романский» ввиду того, что под Ῥωμαῖοι автор «Чудес» обычно понимает греков ³⁶; еще Константин Багрянородный (913—959) употреблял выражения ἡ Ῥωμαίων διάλεκτος, Ῥωμαῖσι в значении «по-латински» ³⁷, так что следует признать именно этот вариант глоттонима основным для периода, по крайней мере вплоть до начала XI в. (заметим попутно, что второй сборник «Чудес», в котором содержится рассматриваемый эпизод, датируется концом VII в.).

Таким образом, гипотезу о македонском или фессалоникийском языке можно отправить в архив, и мы оказываемся перед последней проблемой — кем был этот говоривший на четырех языках (и к тому же не родственник!) Мавр? Для автора «Чудес» он был болгарин, что следует уже из самого заголовка «Περὶ τοῦ μελετηθέντος . . . πολέμου . . . παρὰ τοῦ Μαύρου καὶ Κούβερ τῶν Βουλγάρων». В подтверждение этого мнения, разделяемого абсолютным большинством ученых, можно указать на тот факт, что у него было несколько жен (II. 5. 304=233. 21 Lemerle). С другой стороны, он носит христианское имя, возможно даже являющееся греческим эквивалентом рум. Negrul, весьма популярного имени среди валахских воевод ³⁸.

³³ Ibid. P. 83. Not. 4.

³⁴ PL. T. 23. Col. 39. См.: Jones A. H. M. The Later Roman Empire. Vol. 2. P. 622; Vol. 3. P. 183. Not. 29. Обретает дар говорить по-гречески Ефрем Сирин после того, как его рукополагает в дьяконы Василий Великий. См.: Dagron G. Aux origines de la civilisation byzantine: langue de culture et langue d'état // Revue historique. 1969. T. 241. P. 52—53.

³⁵ М. Григориу-Иоаниду полагает, что исцеленный стратиот заговорил на латыни (Grigoriou-Ioannidou M. Une remarque. . . P. 12 ff.), но это маловероятно уже из общих соображений: Фессалоника конца VII в. — это преимущественно греческий город, а св. Димитрий — национальный греческий святой. Аргументация автора зиждется на обширной коллекции примеров, свидетельствующей, что вплоть до X в. под «ромейским» языком понимался латинский, однако этот usus следует рассматривать как глубоко литературный, так как в обиходной речи этот термин давно был перенесен на греческий язык. Ср. IV в.: μετήνεγκε τὰτα εἰς τὴν Ῥωμαϊκὴν διάλεκτον. См.: Acta Pilati. P. 287 Tischendorf (цит. по: Lampe G. W. H. A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1961. P. 1219 (указ. в раб.: Kramer J. Antike Sprachform und moderne Normsprache II: Die griechische Sprache zwischen Tradition und Erneuerung // Balkan-Archiv. Neue Folge. 1986. Bd. 11. S. 128)). Наш пример, по всей видимости, второй по времени. За ним следуют: Theoph. Cont. 308. 13—14 Bonn (вторая половина X в.) и 407. 15—16 Bonn. См.: Grigoriou-Ioannidou M. Une remarque. . . P. 15. Not. 58. См. также: Mantubale M. Ρωμαῖος — Ρωμῖος καὶ Ρωμιόσῳνη; Κριτικὴ βιβλιογραφία // Μαντατοφόρος. 1983. T. 22. Σ. 34—72. BZ. Bd. 78/1. S. 178 — осталась нам недоступной.

³⁶ Lemerle P. Op. cit. T. 2. P. 150. Not. 233.

³⁷ Toynbee A. Constantine Porphyrogenitus and His World. Oxford, 1973. P. 552—553. См. также: Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Лигаврина, А. П. Новосельцева. М., 1989. С. 440. Примеч. 44. Неосновательна, на наш взгляд, попытка М. Григориу-Иоаниду (Grigoriou-Ioannidou M. Une remarque. . . P. 14—15. Not. 58) толковать некоторые пассажи с этими оборотами у Константина применительно к греческому языку (Konst. Bagr. 27. 69—70; 29. 263—264; 32.12—13).

³⁸ Tafarli O. Thessalonique. . . P. 132—133. Not. 3. Привлекалось также и тюрк. кага. См.: Византијски извори. . . Т. 1. P. 214. Примеч. 63 (с дальнейшей лит.).

Последнее предположение выглядит маловероятным, но, во-первых, известны три свинцовые печати VII—начала VIII в., принадлежавшие некоему «патрицию Мавру», причем на одной из них он назван также «архонтом сирмисиан и болгар»; во-вторых, в бревиарии Никифора и у Феофана под 711 г. упоминается еще один патриций Мавр, по мнению Лемерля, одно лицо с владельцем печатей и сын героя фессалоникийского эпизода³⁹, и, в-третьих, у Феофана патриций Мавр именуется также «Бессом», т. е. фракийцем (*Theoph. P. 379. 18 De Boor*) стало быть, его отец тоже был родом из Фракии. Примечательно, что фракийского языка Мавр-отец при всех своих несомненных лингвистических способностях уже не знает: этот язык не привился в Паннонии, где тот родился и вырос, а может быть, угас задолго до 621 г. в самой Фракии; во всяком случае, среди окружавших Мавра в Фессалониках сирмисиан, славян и болгар он не имел хождения.

Происхождение Мавра объясняет и его многоязычность, весьма удивительную для язычника-тюрка (славянский и романский вряд ли принадлежали к числу престижных в Паннонии языков): романский и греческий он знал с детства, от своих родителей и их ближайшего окружения, славяне были ближайшими соседями сирмисиан, а тюркский (как и аварский!) болгарский был ему нужен из конъюнктурных соображений. Тем самым мы получаем прямой ответ на вопрос, поставленный в самом начале нашего исследования, т. е. на каком языке говорило угоняемое варварами за Дунай население балканских провинций Византии — оно было романским и греческим и, вероятно, по большей части двуязычным.

* * *

Подведем итог. Рассмотренные нами пассажи сообщают следующее:

I. (Приск.). На греческом говорят в диоцезе Фракия и на адриатическом побережье Иллирика вплоть до современного Шкодера, но в качестве международного и дипломатического языка гунны предпочитают латинский/романский.

II. (Лид). В диоцезе Фракия до 540 г. делопроизводство велось на латинском языке, так как им владели даже греки, в особенности же должностные лица; переход на греческий повлек за собой обособление Нижней Мизии и Скифии в особую административную единицу.

III. (Феофилакт Симокатта). «Местным языком» солдат-фракийцев в конце VI в. является романский.

IV. (Второй сборник «Чудес св. Димитрия»). Уведенные в плен аварами в 621 г. ромеи были романо- и грекоязычными.

Из этих фрагментарных сведений, зачастую неочевидных из-за расплывчатости используемых авторами этнонимов и топонимов (для понятия «латинский»/«романский» применяются четыре (!) обозначения: *Λατίνιον*, *Ῥωμαῖον*, *Ῥωμαῖος* и *ἐπιχθόνιος*) и естественно ставших предметом научной полемики, вырисовывается весьма сложная языковая ситуация с двумя существующими бок о бок в одном географическом ареале и более или менее равноправными языками (в начале периода более высокий статус имеет латинский/романский, с середины и в конце — греческий, язык Константинополя и Фессалоник). Такая ситуация является идеальной средой для широкого развития билингвизма, и источники действительно называют нам целый ряд лиц, владевших обоими языками: Приск и члены

³⁹ *Lemerle P. Op. cit. T. 2. P. 152—153.* Его поразительная карьера началась с того, что он донес о планах своего отца (возможно, не без ведома последнего!).

византийского посольства, купец из Виминакия (I), греческое население и администрация фракийского диоцеза и толмач сириец, нанятый во Фракии послами Витигеса (II), излеченный св. Димитрием солдат-фракиец и архонт сирмисиан Мавр (IV), наконец, историк Феофан, дополнивший рассказ своего предшественника удачно подобранным романским словом (III). Проистекающее отсюда взаимовлияние и взаимопроникновение романского и греческого языковых комплексов, осуществлявшееся, естественно, на всех уровнях от письменности до разговорной речи, несомненно должно было стать фундаментом еще складывающейся лингвистической общности, которую впоследствии назовут балканским языковым союзом ⁴⁰.

---

⁴⁰ В обсуждении работы принимали участие С. Р. Тохтасьев и А. Н. Анфертьев, которым приношу благодарность за сделанные замечания.